

серпня 1918 р.; “Про скасування “Уставів” від 19.04.1918 року; “Про військовий податок” від 30 серпня 1918 р.; “Про підвищення ставок гербової оплати” від 13 вересня 1918 р.; “Про збільшення податку з капіталу підприємств обов’язкових оголошувати звіти” від 30 серпня 1918 р.; “Про підвищення окладів державного поземельного податку” від 30 вересня 1918 р.; “Про продовження і відміну деяких постанов про прості податки” від 13 листопада 1918 р.; “Про обрання членів участкових по доходівому податку присутствій і їх заступників” від 14 листопада 1918 р.; “Про порядок оподаткування Державним Промисловим і подоходним Податками чужоземних товарів і компаній” від 19 листопада 1918 р

Постанови: “Про продовження на 1918 р. уповноважень членів Присутствій по доходівому податку та їх заступників; яких обрано в 1917 р.” від 30 серпня 1918 р.; “Про продовження сили відділу X Закону від 9 січня 1915 р. про підвищення податку з грошових капіталів забезпечених” від 10 вересня 1918 р.;” [4].

У таких складних політичних і економічних умовах Українській Державі необхідно було створити свої власні органи економічної безпеки, насамперед податкове та митне відомства. З цим Гетьман П. Скоропадський та уряд в основному справилися.

Список літератури:

1. Устав о пошлинах // Свод Уставов Российской Империи: В XVI т. – Р. I. – С. 153-187. 2. Устав о прямых налогах // Свод Уставов Российской Империи: В XVI т. – Р. V. – С. 87-92 3. Устав о прямых налогах // Свод Уставов Российской Империи: В XVI т. – Р. II. – С. 57-70. 4. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України ЦДАВОВУ. –І. ф. 2199, оп. 6, спр. 16, арк. 12 13

Надійшла до редколегії 21.05.2000

*А.Н. Григорьев,
преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Крымского факультета Ун-та внутр. дел*

Правовое регулирование исполнения лишения свободы в Украине в конце XIX – начале XX вв. (на примере Таврической губернии)

Во 2-й половине XIX в. в условиях развития новых общественных и экономических отношений в Российской империи было проведено ряд буржуазных реформ: крестьянская, земская, городская, военная, судебная и др. В то же время, уголовное законодательство и пенитенциарная

система государства не соответствовали новым условиям времени. После проведения буржуазных реформ они не только не отражали новых социальных отношений, но и в полной мере эффективно не могли защитить интересы как государства, императорского двора, и в целом дворянского сословия, так и нового влиятельного класса – буржуазии. Они оказались не способны поставить заслон ряду имущественных преступлений, характерных для капиталистических отношений, защитить частное право граждан, а также противостоять политической и экономической борьбе зародившегося класса пролетариата.

В этих условиях в 1872 г. была создана комиссия «Тюремного преобразования» с целью учреждения новых судебных установлений и издания Устава уголовного судопроизводства [1, с. 7]. В конце XIX – начале XX вв. царское правительство вынуждено было издать ряд нормативных актов, направленных на усовершенствование уголовного и тюремного законодательства. В 1879 г. в системе МВД России было образовано главное тюремное управление (ГТУ), которое, несколько позднее, в 1895 г. вместе с многочисленной и сложной системой тюрем было передано в Министерство Юстиции [1, с. 10; 12]. Лишение свободы в конце XIX – начале XX в.в. применялось за самые разные преступления и отличалось разнообразием видов, начиная от кратковременного ареста и кончая пожизненной каторгой. Из нормативных документов, дающих право назначать лишение свободы, в это время являлись: Уложение о наказаниях 1885 г., а с. 22 марта 1903 г. – Уголовное уложение, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1885 г.; Военский Устав о наказаниях [3, т. XV].

Так, в 1906 г. в Феодосийской тюрьме за совершение различных преступлений находилось 530 арестантов. По роду преступных деяний эта масса распределялась следующим образом (терминология того времени – А.Г.).

I. Против управления и обязанностей службы: слушание и неповиновение начальству и владельцам – 16; упущения по службе, утеря дел и похищение их – 0; подлоги по службе – 2. II. Лихоимство – 0. III. Против веры и ограждающую оную постановления: богохульство – 0; ересь и раскол – 0; святотатство – 2. IV. Против постановлений и повинностей: уклонение от рекрутства – 1; укрывательство беглых – 0. V. Против имущества и доходов казны: подделка монет и кредитных билетов – 1; корчевство – 0; контрабанда – 0; порубка и повреждение казенных лесов – 0. VI. Против общественного устройства и благочиния: неимения вида и просрочка оных – 4; по обвинению в государственных преступлениях – 52; прошение милостыни и бродяжничество – 4. VII. Против жизни, здоровья, чести частных лиц: убийства и подозрения в оных – 36; самоубийства и покушения на то – 0; неумышленные убийства – 3; увечья, раны и повреждения здоровья – 20; посягательства на честь женщины – 12; оскорбления или обиды – 18; нападения с насилия

ем – 2. VIII. Против собственности частных лиц: поджоги – 2; разбои – 19; грабежи – 20; воровство, кражи и мошенничество – 221; фальшивые разного рода поступки и подделки – 0. IX. По распоряжению правительства и судебных мест: для выдерживания срочного времени – 86; больных умом или помещенных в больницу – 0; за долги и недоимки – 0; X. Против законов и состояния наименования себя чужими именами или званиями – 0.

Как мы видим, наибольшие по численности категории арестантов – это осужденные (арестованные) за кражи и мошенничество (42 %), государственные преступления (политические заключенные) (10 %), умышленные убийства (7 %). Сверх этого, в тюрьме в течении указанного года перебивало 1164 пересыльных арестантов [5, л. 35–36].

Кроме вышеперечисленных законодательных документов лишение свободы в то время широко применялось по Уставу Уголовного судопроизводства (свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений) в качестве меры пресечения уклонения от следствия и суда. Предварительное содержание под стражей более чаще применялось к обвиняемым из неимущих классов, так как непредоставление залога или поручительства влекло за собой взятие под стражу (ст. 448 Устава Уголовного судопроизводства). Кроме органов следствия, предварительное взятие под стражу могло быть применено также полицией и жандармерией при возбуждении дознания (ст.ст.256, 257 Устава уголовного судопроизводства), [3, т. XIV].

Например, 19 апреля 1909 г. по подозрению в совершении кражи личных вещей у генеральши Телесничной начальником Симферопольского сыского отделения была задержана и помещена в губернскую тюрьму профессиональная воровка г-ка Данилова Анна. Интересен текст прошения арестованной на имя вице-губернатора, в котором последняя, вместе с признанием своей вины в краже, просила вернуть изъятые у нее при задержании ее личные вещи. «Принимая во внимание высокогуманные слова, выраженные блаженной памяти в Бозе почившим Императором Миротворцем Александром III в 80-х гг., что «всякая собственность неприкосновенна и подлежит охране Российскими законами» а также и то, что то же самое повторено и сказано в 90-х гг. ныне на много лет царствующим Императором Николаем Александровичем II-м, я имею честь прибегнуть к покровительству и защите Вашего Превосходительства и покорнейше просить сделать справедливое и благое – возвратить мне мои вещи» [6, л. 633].

Довольно часто помещение политических арестантов в тюрьмы в качестве предварительного заключения проводилось чинами жандармерии на основании Положения о государственной охране (ст. 21). По этим случаям жандармские офицеры составляли рапорта на имя начальника тюрьмы или постановления (в основном под грифом «секретно»). Так, 15 февраля 1908 г. по рапорту начальника Отдельного Корпуса

Жандармов Таврического губернского жандармского управления ротмистра Леуса в Симферопольскую тюрьму под стражу был помещен политарестант гр-н Штанберг К.И. [7, л. 9; 12]. 9.04.1908 г. по постановлению ротмистра Отдельного корпуса Жандармов Николаева в Евпаторийскую тюрьму был взят под стражу политарестант духовного звания Зейнадин Абдул Керим [7, л. 46-47], а 29.04.1908 г. по рапорту подполковника жандармерии Левенца в Симферопольскую тюрьму была помещена политарестантка Соловьева А.И. [7, л. 79].

В 80-х гг. XIX в. прекратили свое существование арестантские роты, смирительные и работные дома, а также долговые тюрьмы [4, с. 236]. Поэтому в конце XIX – начале XX в.в. часть осужденных к кратковременному аресту, наряду с тюрьмами и арестантскими отделениями, помещались в кардегардии (арестантские помещения) городских и уездных полицейских управлений губерний. Так, в течение 1906 г. в кардегардиях Евпаторийского уездного полицейского управления содержалось 1126 лиц мужского и 9 женского пола [5, л. 188], Симферопольского уездного полицейского управления, соответственно – 872 и 20 [5, л.192-193]. Кроме того, необходимой принадлежностью каждого волостного управления и состоящего при нем волостного суда была «холодная» изба [2, с. 19].

Согласно Устава о содержащихся под стражей 1890 г. контингент лиц, находящихся в местах лишения свободы в зависимости от категорий должен был содержаться раздельно [3, т. XIII, с.148]. Однако, чрезмерное переполнения тюрем не давало возможности выдерживать эти требования. Вся арестантская масса содержалась без разделения по категориям, и следственные арестанты (находящиеся под следствием и судом) были в одних камерах со срочными (осужденными), приговоренные к кратковременному аресту – вместе с каторжными [1, с. 545; 6, л. 51].

Обращает на себя внимание то, что в тюрьмах губернии подследственные арестанты в сравнении с осужденными составляли подавляющее большинство. Так, из 105 находившихся в Феодосийской тюрьме арестантов (по состоянию на 6.02.1910 г.) подследственных было 73 (70 %), срочных – 18 (17 %), пересыльных – 14 [8, л. 54]; из 501 арестанта Симферопольской тюрьмы подследственных и подсудимых было 212 человек (42 %), срочных – 87 (17 %), каторжных – 175, политических – 4, подлежащих высылке в исправительные отделения – 8, в Сибирь – 1, пересыльных – 5, детей при арестантах – 6 [8, л. 9-10].

Бесспорно к началу XX в., как создание нового уголовного уложения, так и усовершенствование пенитенциарной системы, стало существенным шагом вперед в развитие буржуазного права на Украине. И новый уголовный кодекс и, при всех своих недостатках, тюремное законодательство на тот момент отражали уровень развития общества в начале XX в., должным образом защищая не только интересы импера-

торського двора і поміщиків, но і укріпившийся буржуазний клас.

Однако, неспомога на приймаєміе правительство меры по упорядочению деятельности, уголовно-тюремная система, как на Украине, так и во всей царской России переживала кризисное состояние. Об этом говорил и темп роста рецидивной преступности. Если в 1874-1878 г.г. на число осужденных общими судами рецидивистов приходилось 19,8 %, а мировыми судьями – 14,9 %, то через 10 лет эти показатели выросли соответственно до 25,1 % и 17,7 % [4, с. 136]. Дальнейшее эволюционное развитие государства требовало кардинального решения вопросов материального, кадрового, организационно-правового обеспечения. Поэтому в повестку дня вставал вопрос не о разрушении этого правового института, а о совершенствовании всего содержания и механизма карательной политики государства в этом деле.

Список литературы:

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – Т. 3. – М., 1952.
2. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – Т. 4. – М., 1952.
3. Полный свод законов Российской империи: Кн. 2. – С-Пб., 1911.
4. Органы и войска МВД России. – М., 1996.
5. Государственный архив при Совете Министров Автономной Республики Крым. – Ф.37, оп. 1, д. № 11.
6. ГАК. – Ф. 37, 1, д. № 261.
7. ГАК. – Ф. 37, 1, д. № 57.
8. ГАК. – Ф. 57, 1, д. № 259.

Надійшла до редколегії 10.11.2000

*О.Д. Форстюк,
викладач Луганського інституту внутр. справ*

Зміни в законодавстві УСРР щодо релігії наприкінці 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст.

За умов формування в СРСР тоталітарної системи на будь-яку терпимість щодо Церкви з боку більшовиків не варто сподіватися. Релігія, що сприймалася не інакше як “збряддя уярмлення трудящих мас”, підлягала цілковитому викорененню. Попередні атаки, хоча й завдавали Церкві дошкульних ударів, але не досягли кінцевої мети – остаточного її знищення.

Наприкінці 20-х рр. в Україні, раніш ніж в Росії, постало завдання систематизувати законодавство про релігію з метою ефективнішого його впровадження. Правила про культу було включено до Х розділу Адміністративного кодексу УСРР, який набрав чинності 1 лютого 1928 р. Відтак декрет про відокремлення Церкви від держави Тимчасового робітничо-селянського уряду УСРР від 22 січня 1919 р. було скасовано. Однак Інструкція НКЮ, НКВС і НКО УСРР від 10 листопада 1920 р.